

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСТРОВЕ МАТУА (КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА)

Андрей Валентинович ПТАШИНСКИЙ,

кандидат исторических наук, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский.

E-mail: ptashinski@mail.ru

Статья вводит в научный оборот новые археологические материалы с о-ва Матуа в центральной части Курильской гряды. Дается описание двух стоянок, одна из которых была обнаружена в 2009 г., а также выявленной стратиграфии и собранной археологической коллекции. Приводятся результаты фаунистического анализа, даны две новые радиоуглеродные датировки, определен коренной источник для одного образца обсидиана.

Ключевые слова: Курильские острова, остров Матуа, поздний неолит, эпи-дзёмон, охотская культура, айны, плоскодонная керамика, обсидиан.

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON MATUA ISLAND (THE KURIL ISLANDS)

A. V. Ptashinsky, Candidate of Historical Sciences, Kamchatka State University named after Vitus Bering, Petropavlovsk-Kamchatsky.

The article introduces into scientific circulation new archaeological materials from Matua Island in the central part of the Kuril Islands. There is the description of two sites, one of which was discovered in 2009, stratigraphy and the archaeological collection. The results of faunal analysis, two new radiocarbon dating, the definition of indigenous source for the same sample of obsidian is discussed here. Epi-Jamn, Okhotsk, Ainu cultures, those of the origins of which are associated with Hokkaido. A decisive influence on the life of the ancient sea hunters on the island provided the processes of active volcanism.

Key word: the Kuril Islands, late Neolithic, Epi-Jomon, Okhotsk culture, Ainu, flat based pottery, obsidian.

Остров Матуа входит в центральную группу Большой Курильской гряды (рис. 1). Археология Курильских островов, связывающих Камчатку с южными районами, имеющими более древнюю историю, привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей [1]. Площадь острова, покрытая травянистой растительностью, невелика — менее 50 кв. км, основную часть занимает действующий вулкан Пик Сарычева. В настоящее время остров необитаем. Пограничная застава была закрыта в 2000 г. В летний период в бухте Двойной нерегулярно высаживались группы иностранных туристов и научные экспедиции, а в бухте Айну — сахалинские учёные для обслуживания аппаратуры, установленной в одном из дотов.

Рис. 1. Карта расположения стоянок на о-ве Матуа

Информация об археологических находках на о-ве Матуа до 1945 г. неизвестна. Впервые археологические раскопки произведены В.О. Шубиным [2, с. 26], в 2000 г. в результате работ выявлено два пункта в бухте Аину — Аину-I и Аину-II, объединённые впоследствии в единый памятник. Отмечены четыре возможные жилищные западины, заложены археологические и геологические шурфы, собрана археологическая коллекция и получены первые радиоуглеродные датировки. На Матуа находится самый северный пункт обнаружения шнуровой керамики [3, с. 77]. В 2009 г. членами Камчатско-Курильской экспедиции обнаружен новый археологический памятник на о-ве Матуа [4]. Её руководитель Е.М. Верещага позволил ознакомиться с материалами этой стоянки. В начале лета 2010 г. были осмотрены норы мышевидных грызунов и поковки лис в стенках окопов, траншей и воронок. Это позволило обнаружить остатки

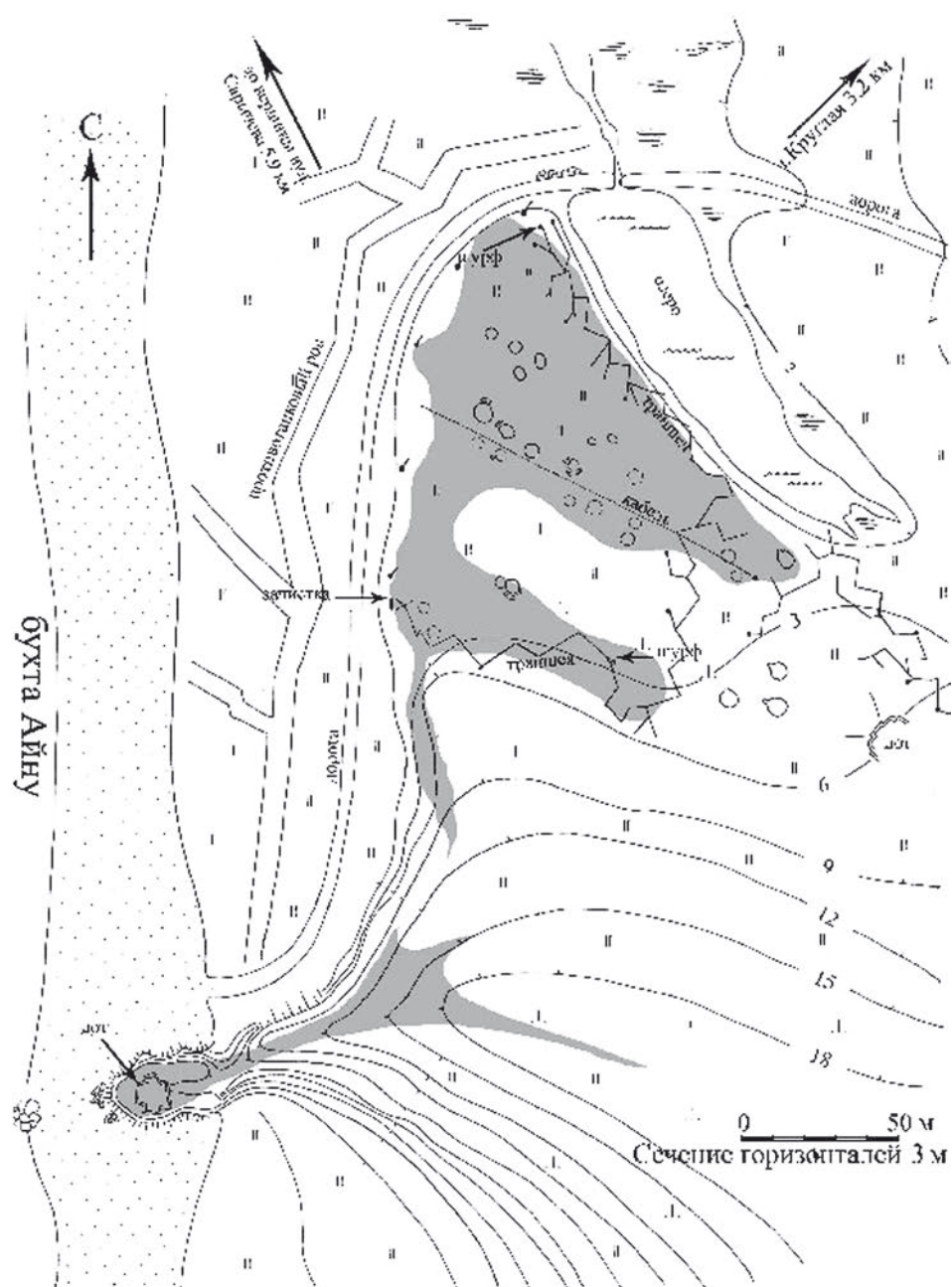

Рис. 2. План стоянки Айну-I

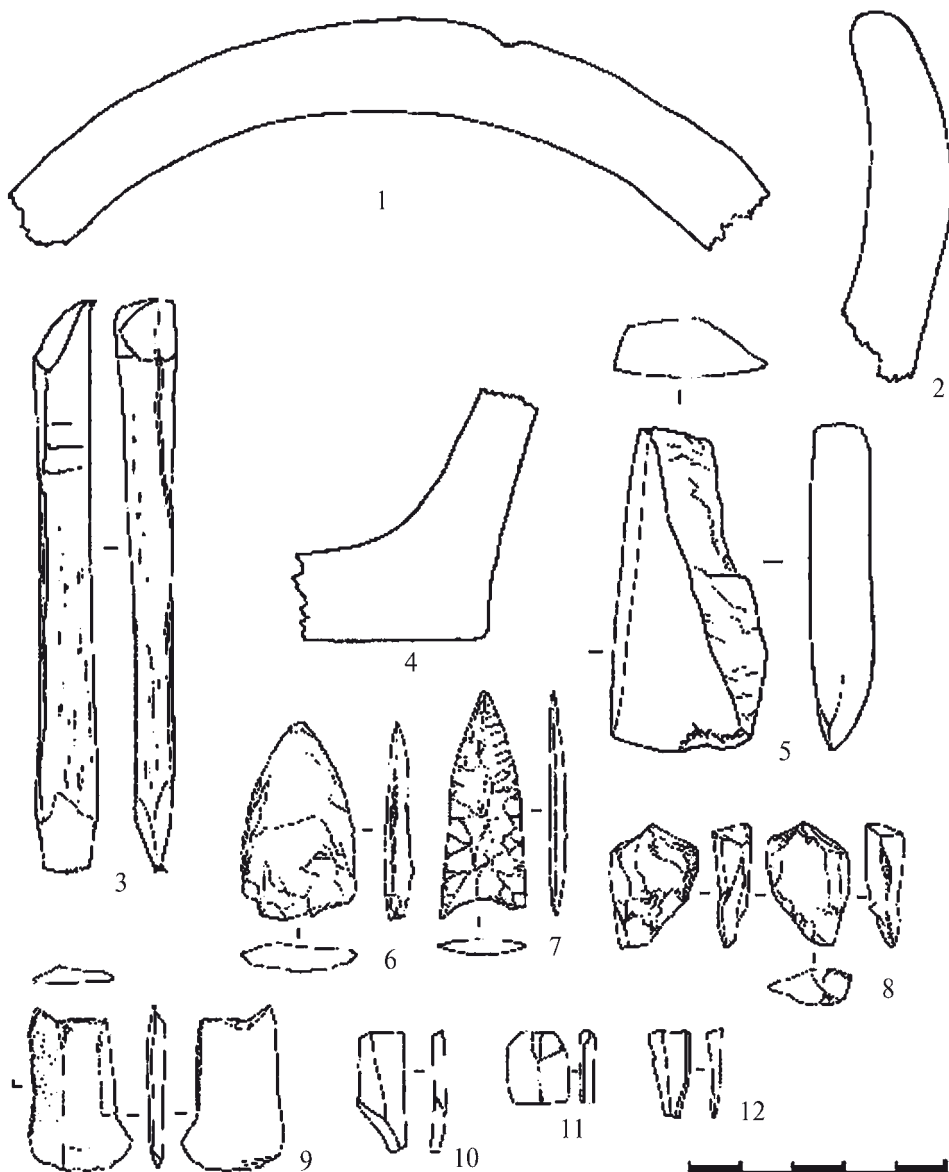

Рис. 3. Находки со стоянки Айну-1

культурного слоя и примерно определить площадь его распространения. На планах памятников она обозначена заливкой.

Стоянка Айну-1 (мыс Айну) находится в южной части бухты, чётко ограниченной приметным мысом высотой около 13 м, с большим дотом на вершине и амбразурами на уровне пляжа. Приморская терраса высотой около 25 м плавно понижается в северо-восточном направлении. В её низинной части собирается вода из родничков, которая образует небольшое озеро, подпруженное дамбой, по которой проходит дорожная колея. С северо-восточной стороны терраса высотой около 3 м ограничена озерцом, с северо-западной — дорогой, с южной стороны её тыловая часть

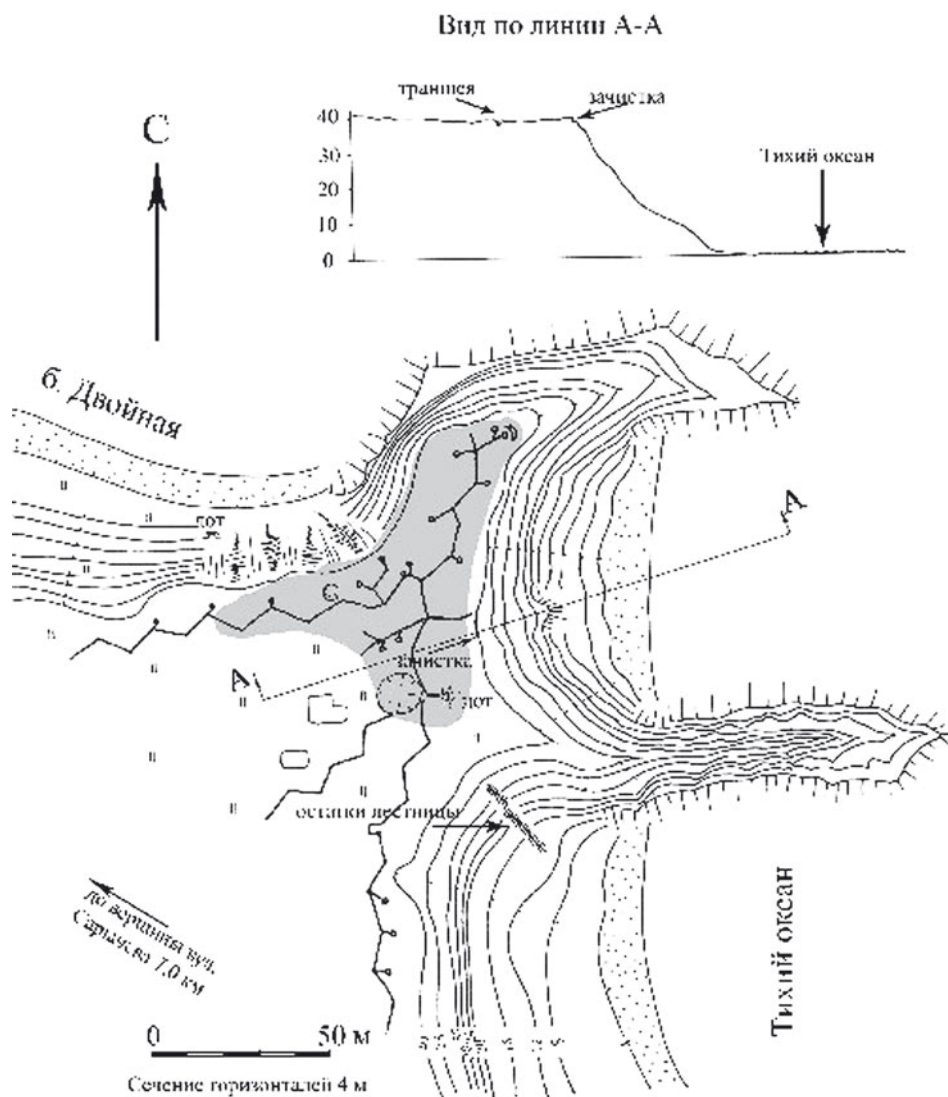

Рис. 4. План стоянки Матуа-I

примыкает к склону высокой приморской террасы. Древесная растительность отсутствует. Густые заросли ольхового стланика концентрируются в распадках у подножия вулкана на северном краю бухты. На бровке высокой приморской террасы сохранились пятна естественной тундровой растительности.

Среди современного антропогенного ландшафта в окружении траншей выделяется полого наклонённая в северо-западном направлении площадка, на которой прослежены округлые жилищные западины диаметром 5—6,5 м, глубиной 0,3—0,5 м и несколько слабозаметных западин диаметром 2—2,5 м. В средней части площади стоянки в направлении юго-восток — северо-запад проходит прямая траншея от кабеля длиной более 100 м.

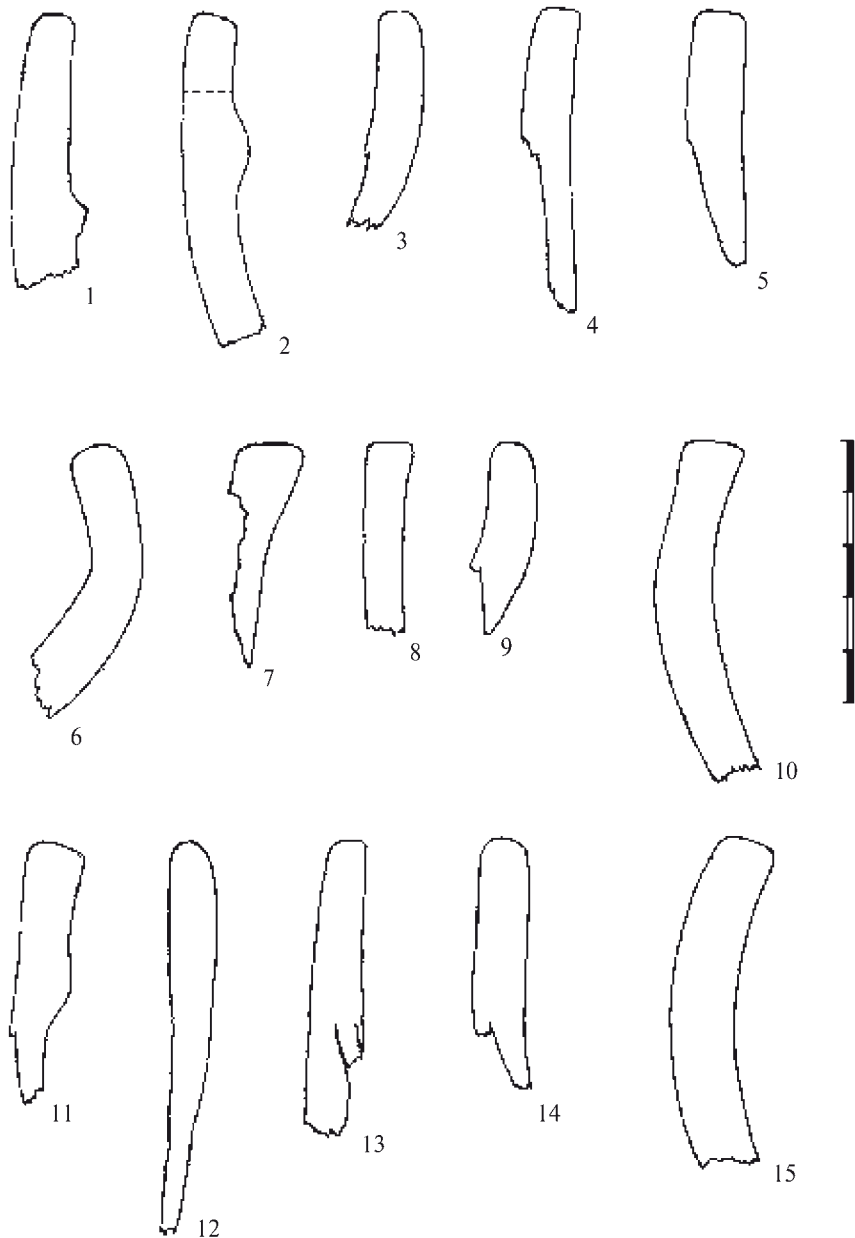

Рис. 5. Профили венчиков сосудов. Стоянка Матуа-I

Площадь, занятая западинами жилищ, возможно «деревней айнов», около 10 000 кв. м. Находки распространены на общей площади около 15 000 кв. м, включая мыс Айну. В месте находок культурных остатков на естественном обнажении с западной стороны (от дороги и берега бухты) было выбрано место для зачистки. Его координаты $48^{\circ}02'29,9''$; $152^{\circ}13'42,1''$. С востока к нему примыкает глубокая траншея, в 16 м к северу под наклоном стоит железная труба.

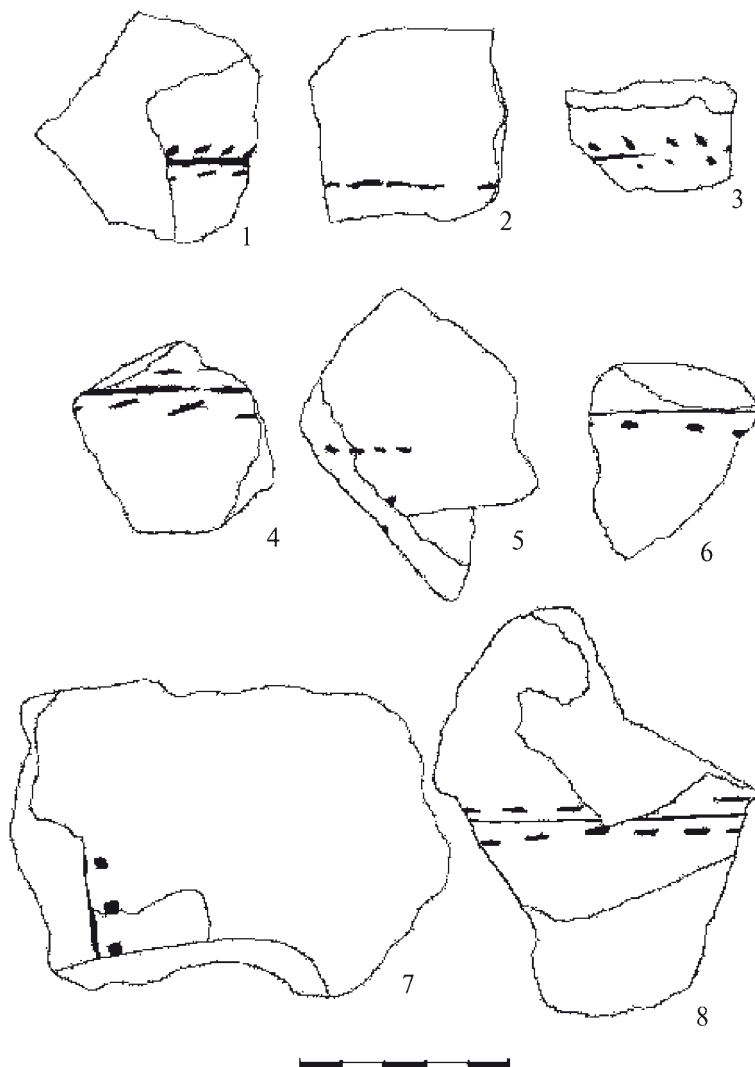

Рис. 6. Фрагменты керамики с орнаментом. Стоянка Матуа-I

Зачистка охватила участок длиной 5 м в направлении север—юг. В результате была прослежена следующая стратиграфия: 1) дёрн — 10—15 см; 2) мешаная земля (культуросодержащий слой) — 45—50 см; 3) тёмно-серый рыхлый шлак с песком — 10 см; 4) серый песок с мелким шлаком — 8 см; 5) пачка серо-коричневой пемзы, включающая линзы вулканического пепла (6—7 см) — 25 см; 6) тёмно-серый океанский песок с прослойкой тёмно-коричневой гумусированной супеси (погребённая почва) (1 см) в верхней части — 15—20 см; 7) плотная серовато-коричневая супесь с щебнем, шлаком, артефактами (культурный слой) — 48—50 см; 8) плотный светло-коричневый щебень (кора выветривания) и ниже крупные камни.

Данная стратиграфия описана для центральной части зачистки. Её верхний уровень плавно понижается в северном направлении.

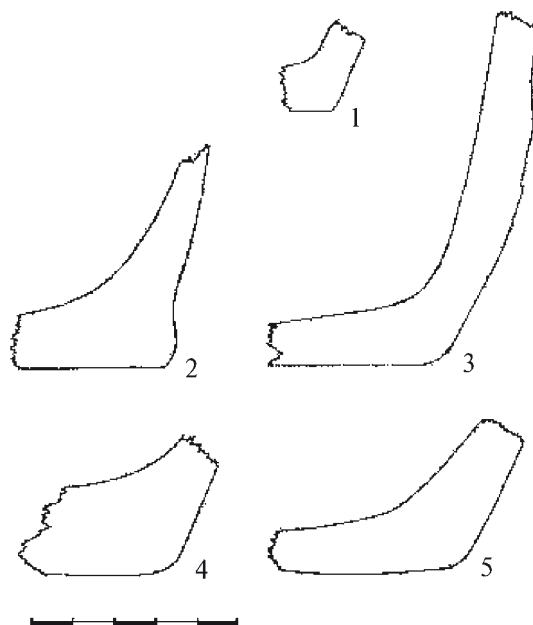

Рис. 7. Сечения придонных частей сосудов. Стоянка Матуа-I

Согласно ему в северной части, в естественном понижении выступа, все слои становятся тоньше, в том числе культурный слой — до 20 см. В южной части глубокой ямой нарушены все слои, лежащие выше культурного слоя. Мешаная земля под дёрном сравнительно мягкая, образована отвалом (бруствером) окопов и содержит супесь, шлак, песок, материковый щебень, гальку, валуны. В этом слое обнаружены гильзы, металлические сильно корродированные изделия, обломки неясного назначения, кости птиц, морских млекопитающих, в том числе каланов, ракушки и единичные артефакты, которые можно соотнести с айнским слоем «деревни айнов».

Культурный слой, залегающий на материке, перекрыт заметной прослойкой тёмно-серого песка. Он плотный, содержит песок, материковый щебень, гальку, единичные валуны, уголь и артефакты, небольшие кости животных, птиц и раковины плохой сохранности (истлевшие и деформированные).

На месте зачистки с северной стороны, сразу под дёрном, были обнаружены два фрагмента курительных трубок промышленного производства, предположительно английского, с клеймом TD конца XIX в. Стенка второй трубки обломана, но сохранились часть мундштука с прямоугольным вдавлением и технологический выступ с выпуклым клеймом в виде латинской буквы I. Там же найдены два небольших фрагмента фаянсовой посуды. На одном имеется коническое отверстие диаметром от 0,4 до 0,15 см, сделанное с внешней стороны (следы ремонта треснувшего блюда). Рисунок голубовато-серого цвета, по краю — цветочный орнамент. Время и место производства, возможно, соответствуют трубкам.

В процессе зачистки обнаружено одиннадцать фрагментов керамики. В культурном слое найдена придонная часть сосуда (рис. 3: 4). Дно плоское, диаметром 12 см, толщина дна 1,7 см, стенки 1,1 см, угол сочленения 115° . Внешняя и внутренняя поверхности коричневатого-серого цвета, на изломе в средней части — серовато-чёрного. В составе теста заметна примесь песка и галечки. Найден фрагмент венчика из трёх частей диаметром 16 см (рис. 3: 1—2). Верхняя поверхность — гладкая, округлая. Внешняя сторона неровная, частично покрыта нагаром, слабовыпуклая. Другие фрагменты стенок сосудов также не орнаментированы, изготовлены методом кольцевого ленточного налёпа с отслоившимися участками внутренней и внешней поверхности.

На среднем уровне культурного слоя был обнаружен обсидиановый наконечник стрелы с вогнутым основанием (рис. 3: 7). Вся поверхность и края тщательно обработаны уплощающей ретушью. Один острый край основания обломан. На поверхности обеих сторон заметен светло-серый налёт, видимо, следы термического воздействия; найден утолщённый обсидиановый скол (рис. 3: 8). На одной стороне частично сохранилась естественная поверхность, противоположный край обработан крутой односторонней ретушью ($59\text{--}60^\circ$). На нижнем уровне найдена дистальная часть ножевидной пластины трапецевидного сечения (рис. 3: 9). Одна грань образована естественной поверхностью с микроскопическими кристалликами кварца. Примыкающий к ней край обработан мелкой односторонней ретушью по всей длине, противоположный — подобной ретушью до выступа на конце пластины. Кроме того, найдено ещё четыре обломка пластинчатых снятий (рис. 3: 10—12). Эти находки, предположительно, можно отнести к поздненеолитическому комплексу.

В подъёмном материале на мысу был обнаружен обломок тщательно отшлифованного тесла из светло-серой косослоистой кальцинированной породы (рис. 3: 5). Угол заточки рабочего лезвия $41\text{--}42^\circ$. Правая, ближняя к месту излома часть рабочего лезвия выкрошена. Небольшое орудие режущего типа (или наконечник с обломанным основанием) длиной 3,8 см изготовлено из кремнистого сланца. Края оббиты мелкими ударами, которые придают им остроту. Из андезито-базальта сделан черешок сломанного орудия длиной 2,2 см, вся поверхность обработана крупными сколами и мелкой ретушью по краям, в сечении — линзовидный. Как орудие с резцовым сколом можно определить другое изделие на толстом отщепе длиной 3,5 см.

Всего обнаружено 58 отщепов аморфной формы. Большинство — мелкие, длиной менее 2,5 см. Они изготовлены из базальта и андезито-базальта (56,9%), яшмоида желтовато-коричневого (5,2%) и красновато-коричневого цвета (18,9%), обсидиана чёрного прозрачного (15,5%), халцедона молочно-белого (3,5%).

Четыре изделия из кости невыразительны, имеют неясное назначение. Концы одного из них заострены в перпендикулярных плоскостях, на них заметны следы забитости (рис. 3: 3). Вдоль одной плоскости, по

её краю, проходит неровная прорезь глубиной до 2 мм, шириной 1 мм. На другой грани заметны следы срезов, предположительно металлическим орудием.

В слое обнаружены челюсти каланов, фрагменты костей китообразных, черепа кайр. Часть крупных трубчатых костей несёт на себе следы поперечных или продольных надрезов. На обрыве с южной стороны мыса Айну обнаружены позвонки и жаберные кости рыб, спикулы (иглы) морских ежей, тело морской губки.

Ранее участниками проекта ИКР для стоянки Айну-I были получены даты 2345 ± 37 (AA-40943) и 1604 ± 36 (AA-40942) [3, с. 77]. Анализ по углю, взятый из нижнего уровня зачищенного культурного слоя, дал новый результат 970 ± 20 (IAAA-101429). Единичные находки со стоянки Айну-I имеют поздненеолитический облик, основная их часть типологически относится к позднему этапу охотской культуры. Западины жилищ, прослеженные на стоянке Айну-I, и единичные изделия европейского производства XIX в. можно соотнести с поселением айнов. Находки характерной айнской керамики (Naiji) предшествующих исследователей делают возможным обнаружение непотревоженных участков культурного слоя этого и более ранних периодов в процессе дальнейших исследований.

Новый памятник — стоянка Матуа-I — находится на юго-восточном берегу острова, в южной части бухты Двойной. Мыс образован двумя скалистыми обрывами, выступающими на восток. На топографических картах плоская поверхность древней морской террасы имеет отметку 41 м. Постоянных водотоков рядом нет, а источником пресной воды могли служить небольшие роднички в основании обрывистых склонов. Глубокие воронки и траншеи нарушили культурный слой, и в выбросах из мышиных норок в стенках окопов были обнаружены небольшие фрагменты керамики, единичные отщепы, раковины моллюсков. Судя по распространению этих артефактов, находки тяготеют к северной части обрыва (от воронки до обрыва на севере) и занимают площадь около 3000 кв. м (рис. 4).

Для зачистки был выбран участок обрыва, обнаживший культурный слой в 2009 г. Он находится на обрыве в 10 м к северо-востоку от дота. Его координаты $48^{\circ}03'03,6''$; $153^{\circ}16'22,9''$. Выявлена следующая стратиграфия: дёрн — 8—10 см; мешаный грунт (выброс из траншей, дерево, металлические изделия, кости, раковины) — 57 см; рыхлый серовато-чёрный шлак — 12 см; рыхлый тёмно-коричневый шлак — 15 см; плотная серовато-чёрная гумусированная супесь (погребённая почва) — 9 см; культурный слой («ракушечник») — 12 см; плотный коричнево-серый вулканический пепел — 23 см; прослойка светло-серого вулканического пепла, заключённого между слоями серовато-чёрного вулканического пепла, — 4 см; плотная коричневая пемза с супесью — 7 см; тонкая прослойка серовато-чёрного песка — 1 см; коричневая плотная супесь с пемзой и редким щебнем (зачищена на глубину более 30 см) — ниже.

Поддёрновый слой мешаной земли представляет собой выбросы из траншей с северной и южной сторон от места зачистки, которые задели культурный слой. Эти выбросы сформировали небольшой холмик, а яма,

которую они заполнили, достигает глубины 1 м. На дне этой ямы отмечена линза шлака. Кроме костей и раковин он содержит обрывки проволоки, металлические изделия, осколки стекла, фрагменты досок и брёвен.

Культурный слой чётко выделяется. Его верхняя граница неровная, в южной части над ним прослежена линза тёмно-серого вулканического пепла. Нижняя граница ровная, с небольшим западением в центральной части зачистки. Культурный слой представлен напластованием раковин и костей с большим количеством песка, вклинивающимся в северном направлении под слой тёмно-коричневой супеси с единичными раковинами и преобладанием костей и щебня. Раковинная куча очень плотная, в северной части культурный слой более рыхлый.

Археологическая коллекция собрана на обнажениях культурного слоя с северной и восточной сторон мыса и при зачистке обрыва. Самой многочисленной категорией среди находок является керамика (105 единиц). Крупных фрагментов немного, реконструировать даже часть сосуда не представляется возможным. Обнаруженные венчики сосудов разнообразны по форме. Четыре фрагмента украшены слабо выступающими валиками (рис. 5: 1, 2, 11). Сечения венчиков сосудов представлены на рисунке 5, внешняя поверхность — справа. Над валиком одного из них проделано отверстие диаметром 0,6 см (рис. 5: 2).

Основная часть небольших фрагментов керамики представляет собой стенки сосудов. Большинство из них сформировано ленточным кольцевым налепом. Толщина стенок от 0,8 до 1,1 см, максимальная толщина — 1,6 см. Определимый диаметр фрагментов от 10 до 16 см. Наиболее интересными являются фрагменты с частично сохранившимся орнаментом. Он представлен резной горизонтальной линией, дополненной параллельными рядами пунктирных линий (рис. 6: 8) и наклонными короткими резными линиями (рис. 6: 1, 4) с вдавлениями разной глубины (рис. 6: 3, 6). Один венчик со следами кольцевого налепа украшен неровным рядом пунктирных линий (рис. 6: 2). Фрагмент стенки сосуда украшен наклонным штампом (гребенчатым?) (рис. 6: 5). На другой части стенки сосуда сохранилась часть вертикальной прорезной линии, дополненной одним рядом вдавлений (рис. 6: 7). Все пять фрагментов нижних частей сосудов (рис. 7) имеют плоское дно диаметром 6—7 см, толщиной от 1,0 до 1,4 см, один — 1,9 см. Углы сочленения от 105° до 118°. Одно дношко имеет выраженную закраину.

Судя по обнаруженным фрагментам керамики, сосуды были плоскодонные, с небольшим диаметром дна, слабовыпуклым туловом и намеченной горловиной. Большинство фрагментов (качественных среди них было мало) расслаиваются, крошатся, имеют отслоения внешней и внутренней поверхности. Формовочная масса состоит из глины с примесью песка и мелкой галечки; обжиг неравномерный, цвет на изломе от светлого-коричневого до серовато-чёрного.

Коллекция каменного инвентаря немногочисленна. Она представлена обломком ножа, подработанным наконечником стрелы, обломками орудий, отбойниками из удлиненных галек. Обнаружено два куска пемзы со

следами использования для шлифовки или обработки изделий из кости и дерева. На одном из них сохранилась часть отверстия диаметром 0,8 см.

Большинство аморфных отщепов мелкие, менее 2,5 см длиной, вплоть до размеров чешуек (375 ед.). Они изготовлены из базальта и андезито-базальта (8,3%), яшмоида желтовато-коричневого (28,2%), красновато-коричневого цвета (58,1%), кремнённой породы серого цвета (3,2%), обсидиана чёрного прозрачного (1,6%), халцедона молочно-белого (0,6%).

Найдено три изделия из кости. Первое представляет собой скол с крупного предмета из кости кита, на одной стороне следы забитости. Можно предположить, что это фрагмент клина или мотыги. Стороны другого небольшого продольного обломка края костяного тесла длиной 6,2 см тщательно зашлифованы. Из тонкой расщеплённой трубчатой кости птицы сделано третье изделие. Один его конец имеет заострённую форму («зубочистка»), противоположный также приострен, но обломан.

Фаунистическое определение образцов, собранных в 2009 г., произвели д-р биол. наук А.Б. Савинецкий и канд. биол. наук Ж.А. Антипушина (ИПЭЭ им. А.М. Северцова, Москва): «Из млекопитающих определены несколько костей молодых тюленей (*Phoca* sp.) и правая большая берцовая кость взрослого калана. Из птиц обнаружены кости трубконосых (белоспинного альбатроса и глупыша), чистиковых (топорика и белобрюшек) и чаек. Из беспозвоночных в пробе обнаружены раковины брюхоногих моллюсков трёх видов. Список видов приводится в порядке уменьшения количества остатков: *Littorina sitkana* (Philippi, 1846) — им принадлежит наибольшее количество остатков. Известно, что, несмотря на маленькие размеры, данный вид моллюсков активно промыслился древними жителями. В частности, на Командорских и Алеутских островах их называли «семечки». Также были обнаружены единичные раковины *Vuccinum baerii* (Middendorff, 1848) и *Nucella lima* (Gmelin, 1791) — одна раковина. Оба вида также известны как промысловые виды».

В собранной небольшой фаунистической коллекции, по устному определению старшего научного сотрудника Камчатского филиала ТИГ ДВО РАН П.С. Вяткина, обнаружены челюсти и когти молодых нерп (ларги), коготь и два обломка *os penis* сивуча, крупные фрагменты костей китообразных, черепа, надклювья и трубчатые кости топорков, альбатросов, чаек. Часть костей имеет следы продольных и поперечных срезов и надломов.

Проба древесного угля из нижнего уровня южной части культурного слоя (ракушечника) датирована 1280 ± 30 (IAAA-101430). Анализ одного образца обсидиана со стоянки Матуа-I показал, что его источник находится на Восточном Хоккайдо (Tokachiishizawa). Этот результат может служить подтверждением распространения с юга носителей охотской культуры и направления их связей. С другой стороны, Камчатка могла быть и, вероятнее всего, была другим важнейшим источником обсидиана для сопредельных территорий на протяжении длительного времени. Определить тип описываемых памятников затруднительно из-за значительных современных антропогенных нарушений их площадей. Обраща-

ет на себя внимание насыщенность культурного слоя на стоянке Матуа-I. Здесь изготавливались каменные и костяные орудия, велось наблюдение за окружающей акваторией и соседними островами, лежбищами морских млекопитающих, а также готовилась пища.

Остров Матуа является звеном на пути передвижений древних морских зверобоев между островами Расшуа на юге и Райкоке на севере. В целом природно-географические условия о-ва Матуа пригодны для круглогодичного проживания людей. Несомненно, древние морские зверобои не могли миновать его во время своих плаваний и не использовать для остановок разной длительности. Наши исследования расширяют источниковую базу для понимания древней истории этого острова. Можно предполагать, что периодически он заселялся или посещался носителями разных культур, приморская направленность экономики которых сомнений не вызывает. Решающее внешнее влияние на живую природу и жизнь населения острова в прошлом оказывали активные вулканические процессы, продолжающиеся и в настоящее время [6].

Обнаружение нового памятника на о-ве Матуа — Матуа-I показывает перспективность и необходимость продолжения археологических работ в центральной части Курильских островов. Выражаю искреннюю благодарность энтузиастам-краеведам Е.М. Верещаге и И.В. Витер за предоставленную информацию и возможность проведения исследований на о-ве Матуа; доктору К. Такасе (Meiji University, Tokyo) за проведение анализов образцов; д-ру биол. наук А.Б. Савинецкому и канд. биол. наук Ж.А. Антипушиной за определение фаунистической коллекции, канд. ист. наук В.О. Шубину за ценные консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дерюгин В.А. Охотоморская культурная общность? (Эпизод первый) // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2002. Вып. 3. С. 53—66; Василевский А.А., Кузьмин Я.В., Горбунов С.В., Шубина О.А. Радиохронология памятников археологии I тыс. до н.э. — II тыс. н.э. на Сахалине и Курильских островах // Амуро-Охотский регион в эпоху палеометалла и средневековья. Хабаровск, 2003. С. 37—46; Голубев В.А. Археологическая коллекция с о-ва Шумшу в музее антропологии МГУ (г. Москва) // Вестн. Сахалин. музея. Южно-Сахалинск, 1996. № 3. С. 235—243; Василевский А.А., Грищенко В.А., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А. Хронология и периодизация эпохи неолита на Сахалине и Курильских островах (по данным радиоуглеродного датирования) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей Востока Азии. Хабаровск, 2009. С. 74—82; *Ainu: Spirit of a Northern People* / Edited by William W. Fitzhugh and Chisato O. Dubreuil, 1999.
2. Атлас Курильских островов. М., Владивосток, 2009.
3. Fitzhugh W., Shubin V.O., Kaoru Tezuka, Yoshihiro Ishizuka, and Carole A.S. Mandryk. Archaeology in the Kuril Islands: advances in the study of human paleobiogeography and northwest pacific prehistory // *Arctic Anthropology*. Vol. 39. Nos. 1—2. 2002. P. 69—94.
4. Отчёт 10-й Камчатско-Курильской экспедиции [Электронный ресурс]: Режим доступа: — <http://foto.kurilstour.ru/10exped.html>
5. Гришин С.Ю., Гирина О.А., Верещага Е.М., Витер И.В. Мощное извержение вулкана Пик Сарычева (Курильские острова, 2009) и его воздействие на растительный покров // Вестн. ДВО РАН. 2010. № 3. С. 40—50.